

**ФОРМУЛА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
АНТОНА ЧИЖА**

АНТОН ЦМЖ



ФОРМУЛА ПРЕСТУПЛЕНИЯ



Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Художественное оформление серии *Алексея Дурасова*

Чиж, Антон.

Ч-59 **Формула преступления : сборник / Антон Чиж. —**
Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-169038-0

1985 год. Пока искалеченный в погонях за преступниками коллежский секретарь Родион Ванзаров приходит в себя, его напарник и друг криминалист Аполлон Лебедев вспоминает самые «горячие» детективные расследования, которые они провели вместе. Полиция, словно исповедник, становится свидетелем самых страшных человеческих грехов: под личиной тихого обывателя может скрываться чудовище. Вот убийство на фоне противоестественной половой склонности; вот мертвый муж встает из могилы, чтобы отомстить распутной жене-баронессе; а вот пир во время чумы, когда красивейшего мужчину убивают в разгар празднества...

Рискуя жизнью, Ванзаров и Лебедев окунаются в пучину порока, чтобы восстановить справедливость! Российская империя может спать спокойно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169038-0

© Чиж А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.*

Александр Пушкин

• ВСТУПЛЕНИЕ

— С кучно, Аполлон Григорьевич! — сказал молодой человек, утопая в воротнике по самый подбородок. Гражданский мундир Министерства внутренних дел был явно велик, отчего сидел на нем мешковато.

— Что делать, Николая, таков нам положен удел... — Грудь его собеседника облекал шерстяной пиджак модного покроя с бутоньеркой в петлице, а шею поддерживал накрахмаленный воротничок с шелковым галстуком синеватого отлива. — Судьба, она как продажная...к-хэм, ну не важно кто... В общем, чем больше просишь, тем меньше получаешь, да. Так что следует брать ее за горло, и...

Как именно надо поступать с судьбой — осталось неизвестным, так что в мировой философии образовалась солидная дырка. Окончательно заплутав в закоулках мысли, блестящий господин полез за серебряной вещицей, необходимой в трудную минуту. И припал к источнику утешения.

Николая облизнулся:

— Холодно что-то. Коньяком не угостите?..

Отпустив фляжку, Аполлон Григорьевич занюхал чьей-то косточкой, подобранной среди лабораторных склянок.

— Ус не дорос, — ответил он с душевной теплотой.

И правда, под Колиным носом усы только собирались пробиться, а вернее, решали сделать это в будущем году или погодить. Стерпев обиду, за которую с кем угодно разругался бы вдрызг, Николя отвернулся в ночь.

Из тьмы налетали хлопья снега, липли к стеклу обрывками привидений и таяли зыбкими льдинками. За окном выло и свистело, словно орды зла пытались свергнуть на гранитную мостовую особняк Департамента полиции, перепутав его с замком Добра.

Не найдя в темноте ничего занимательного, Коля обратился к свету. То есть помещению, где просиживал который час. Посмотреть было на что.

Всякий день сюда доставляли разнообразные вещи, среди которых попадались ножи и кастеты, пули и патроны, куски тел и человеческие органы, яды и снадобья, битая посуда и порченная ветошь, ну и не менее полезные штучки. Все это копилось и копилось в немислимых количествах. Богатством, при виде которого любая женщин упала бы в обморок, не пожелав возвращаться к жизни, владел великий, без всякого сомнения, криминалист Лебедев.

Да вы его знаете! Невозможно забыть эту удивительную фигуру, хоть раз заметив. А попав под раскаты грома голоса — тем более. Лебедев представлял собой редчайшую смесь безудержного бахвальства с неисчерпаемым оптимизмом, научным талантом и бешеным трудолюбием. Женщины и барышни теряли остатки воли, подпав под его убийственное очарование. В общем, не человек — легенда.

Однако нынче Аполлон Григорьевич не был похож на себя, меланхолически разглядывая потолок, на котором застыли следы удачных взрывов и буйных пожаров. Даже эта веселая картина его не радовала. Пребывал он в состоянии совершенно ему чуждом, а именно: тихой печали. Кислое настроение хозяина непонятным образом передалось лаборатории-кабинету. Загрустили реторты и пробирки, зачали микроскопы и горелки. Безымянный череп тосковал пустыми глазницами. Даже краски анатомических плакатов и снимки трупов словно заскучали. Нерадостная, в общем, царила обстановочка.

Николя ощутил, что еще немного, и сам завоет и заплачет от тоски.

— Что же мы с вами теперь делать будем? — осторожно спросил он.

— Уныние — это грех. И грех смертельный, да. Вам, как светлomu будущему нашего сыска, тем более непростительный.

— Что мы... что я без Ванзарова...

Лебедев помолчал, быть может, оценивая себя по той же мерке.

— Никакого «без» быть не может. Родион в лучших руках, стая профессоров от него не отходит, — сказал он. — Я верю: все будет хорошо.

— А вдруг... уже?

— Подтяните нюни, Гривцов, чай, не баба, чтобы слезы лить! Еще накаркаете... — Отъявленный материалист и циник аккуратно поплевал за левое плечо.

Поддержав ритуал, Коля усердно заплевал чье-то вещественное доказательство. И поделом: валяется где ни попадя.

Через силу зевнув, чтобы изобразить спокойствие, Лебедев потянулся до хруста мышц.

— А вот ждать — нет ничего хуже. Чем бы заняться? Хоть в шашки вас обставить или поучить уму-разуму, что ли...

Николя аж подпрыгнул:

— Ух ты! Научите!

Невольно возник вопрос: уж не поторопился ли Аполлон Лебедев взять под крыло этого птенца? Уж не глуп ли мальчик?

Но мальчик вовремя опомнился, положил руки на колени, как прилежный гимназист, и вытянулся в струнку.

— В сыщики намылились, а простейших вещей не знаете, да.

— Не знаю! — согласился Коля. — Научите!

Из глубин походного чемоданчика явился предмет, наводивший ужас на все Министерство внутренних дел, а порой и корпус жандармов. Лебедев курил такие яростные никарагуанские сигарки, что от их дыма биологическая жизнь сворачивала к неизбежному концу. Недаром в его обители не было ни комаров, ни мух в самую жару.

Съевшись, Гривцов изготовился сносить чудовищный запах. Уж больно хотелось стать великим сыщиком, как...

— Какое главное качество сыщика? — спросил Лебедев, поигрывая сигаркой, словно опасной бритвой.

— Умение угадывать?

— Гадают на Святках или на кофейной гуще, а в полиции... Вот вам пример. Как-то весной 1888 года отравили меня в Одессу, где случилось убийство некоего Трепова — важного городского чиновника. Поставили на уши всю полицию, но никого не нашли. Я провел экспертизу, изучать ее, конечно, не пожелаали. Зато лихие головы вызвали из Англии некоего Шерлока Холмса¹. Господин этот побродил вокруг да около и нашел виновника. Местные полицейские даже охнуть не успели, как убийца давал признательные показания. Мистер Холмс взял гонорар, довольно солидный, ничего не объяснил и отбыл на пароходе к себе на остров. Характер у него был вздорный, на всех смотрел свысока, вида чудовищного — нос как у хищной птицы, баловался морфием и кокаином. Постояльцев гостиницы донимал пикиканьем на скрипке. Но дело-то раскрыл. Знаете почему?

— Везенье?

— Гривцов, не в карты играете. И в картах везенья никакого, одна техника рук... Мистер Холмс внимательно ознакомился с моими выводами и применил логику. Правда, называл ее «дедуктивным методом». Понимаете?

Коля приободрился, словно вытянул знакомый билет.

— Дедуктивный метод мы проходили на уроках алгебры. Он заключается в том, что...

¹ Сведения подтверждает биограф мистера Холмса доктор Ватсон в записках, названных «Скандал в Богемии».

— Сейчас выгоню, — ласково пообещал Лебедев, и фонтанчик красноречия заткнулся сам собой. — Какая алгебра? Людей надо знать! Знать и изучать логику их поступков. Лет десять попрактикуетесь — и поймете, что преступником управляет.

— Злоба?

— Страстишка куда более сильная: выгода.

В цветущие семнадцать лет Коля не был готов узнать, что секрет мастерства банален, как вареное яйцо. Нутро юного рыцаря, а по натуре он был рыцарь, только опоздавший родиться веков на десять, протестовало против скучной правды.

— Так просто? — сдержанно спросил он.

— Пока придете к такому выводу — много дряни нахлебаетесь.

— Неужели Ванзаров только этим методом пользовался?

Выдержав многозначительную паузу, Аполлон Григорьевич с неохотой ответил:

— Ну, почти.

— Не верю.

— Что?!

Храбро зажмурившись, Николая повторил:

— Не верю, чтобы Родион Григорьевич одну выгоду искал. Хоть гоните — не верю.

— Не верите, значит?.. И правильно делаете...

Гривцов совершенно растерялся:

— То есть как?

— Как в жизни, юноша: нельзя знать, что происходит на самом деле, пока не доберешься до сути.

— Эх, дали бы мне только дело, уж я бы так добрался, все вверх дном перевернул, до каждой причины докопался, как Ванзаров... — размечтался юный чиновник полиции. Николая имел самый нижний чин, а потому бегал по поручениям всего полицейского участка. Вместо того, чтобы гоняться за преступниками. Или хоть за жуликами.

Метким броском сигарка отправилась в реторту.

— Значит, готовы копать не покладая рук? — спросил Лебедев. — А хотите профессиональное пари? Условие простейшее: излагаю историю, которую мне сам Ванзаров рассказывал, и если под конец определите, кто виновник, то...

— Я согласен! — вскрикнул Николай.

— ...угощаю великолепной сигарой.

— А если не угадаю?

— Отменный щелбан. Ну, как? Проверим на прочность ваш лоб, то есть талант?

Еще неизвестно, что лучше: синяк или мучительная агония. Но выбора не осталось.

Коля принял вызов.

Закинув ногу на ногу, от чего роскошные ботинки сверкнули глазом ворона, Аполлон Григорьевич пока отложил сигарку и сказал:

— Вот и отлично. Хоть время с пользой уьем... Так, что бы вам такое предложить легонькое для начала... А!.. Вот, к примеру, был такой случай...

• ИЗ НАСЛАЖДЕНИЙ ЖИЗНИ

... Среди тайн мироздания одна совершенно неразрешима: чего хотят женщины. Прочие загадки неизбежно падут под натиском разума. А криминальные — тем более. Пронзая преступление, как вилка — пюре, логика выковыривает тайну, что косточку из вишни. Любой хитрец перед атакой мысли спасует. А если хорошенько приложить его знанием человеческой природы, то уж спасайся, кто может. Под пятой разума треснет любое преступление, как гнилой орех. И лучше быть ему покрепче, чтобы разуму нашлось где потоптаться, то есть — развернуться...

Так или вроде того размышлял молодой человек, с утра пораньше заявившийся в полицейский дом на Офицерской улице. Первый этаж серого строения занимал 3-й участок Казанской части, на втором расположились кабинеты полицеймейстеров II Отделения, а на самом верху приютилась сыскальная полиция. Куда и взбежал неурочный гость.

Сонный городовой недобрым взглядом одарил раннюю пташку, долго возился с ключом и предоставил

гостю самому проникать в казенное помещение. Юношу так распирало желание поскорее взяться за дело, что мелкие неурядицы остались незамеченными. Деловито распахнув окна, чтобы воздух утра выгнал из помещения ночную затхлость, направился он в дальний угол приемной части сыска, где разместился за потертым столом, сложил руки, как на уроке, и приготовился ждать.

Пока он сгорает от нетерпения, успеем подметить кое-что в его наружности. У юноши слишком чистый воротник сорочки, наглаженной и накрахмаленной, безупречно повязанный галстук, отутюженные брюки и вычищенный сюртук гражданского образца. Именно так должен выглядеть карьерист и подхалим, который мечтает втереться в доверие к начальству.

Образцово-показательный вид немного портила некоторая тучность фигуры. Юноша был скорее упитан, как это бывает с сынками, поздно выпорхнувшими из-под гнета материнской опеки. Но в клубе толстяков его кандидатуру наверняка отвергли бы. Из деталей, примечаемых барышнями, отметим непокорный вихор, выбивавшийся из пшеничной шевелюры, умный, если не проницательный взгляд и довольно крепкую, крестьянскую шею, на которую так приятно взгромоздиться женошке с детишками. Но этого счастья юноша лишен начисто. Был он холост и даже в некотором смысле... Ну, об этом не время.

В сысчной полиции молодой человек оказался по доброй воле, чего никак не мог понять его прежний

начальник. Он начинал в канцелярии Министерства внутренних дел, где быстро получил коллежского секретаря, и перед ним открылись самые заманчивые перспективы. Но приспичило ему отправиться в самое пекло, клоаку и забытый милостями отдел Департамента полиции, а именно — сыск. Все потому, что имел ум, развитый классическим образованием и Петербургским университетом, что по нынешним временам бесполезная, если не вредная обуза. Этот самый ум хотелось ему применять по назначению: раскрывать великие преступления и вступать в бой с коварными или на худой конец — талантливыми преступниками.

Будьте уверены: отправь его в Англию — участь Джека Потрошителя была бы незавидной. Но мудрое начальство и слушать об этом не хотело, а командировочные выписывать — тем более. Денег на торжественные приемы и банкеты не хватает, так еще всяких молодчиков за границу отправлять. Так что старина Джек спокойно мог и дальше потрошить, сколько захочет. Но местным гениям преступного мира пора было вздрагивать от страха, ожидая скорого разоблачения. Жаль только, они не догадывались об этом.

Несколько дней назад, заступив на службу закону и порядку, молодой человек... ах да, зовут его Родион Ванзаров, как же иначе, сгорал от нетерпения что-нибудь раскрыть. Но пока начальник сыскальной полиции, милейший Платон Сергеевич Воцинин, допускал его лишь перебирать старые бумаги, заниматься перепис-

кой с канцелярией и вообще вести скучнейший образ жизни. Немногочисленные чиновники сыска пока не распахнули объятий дружбы, а присматривались: чем-то юнец им не нравился. И не то что не нравился во-все, а был словно другой, как породистый конь в стаде деревенских лошаков. Быть может, это необъяснимое чувство чуждости вызывало неприязнь.

Родион хотел показать, на что способен, но окружающие чиновники держались от него на безопасном расстоянии, словно догадываясь: молодчик способен таких дров наломать, что мало не покажется. А Родион, если б дали, носом бы землю рыл, но раскрыл десяток-другой дел, зависших в долгих розысках. Однако соверши он подобный подвиг, что бы осталось на долю других? Нет, нельзя такой вольности допускать. Перо, чернила и бумага — все, на что мог рассчитывать сыщик-новичок.

Между тем, предельно скромный в поведении, юный Ванзаров в тайных уголках души считал себя отменным знатоком человеческой природы, а особенно женщин. Буквально видел их насквозь. Оставалось только применить выдающиеся способности в деле. Но, как назло, ничего не подворачивалось.

Пробило девять. В присутственной части один за другим появлялись чиновники, удивлялись, что юнец уже на месте, и, кисло улыбнувшись, приступали к самому важному делу: общению за утренним чаем. Ванзаров ерзал на стуле, как верный пес, ожидая команды «взять». Его, кажется, не замечали вовсе.

Покой сыскной полиции был нарушен самым наглым образом. Распахнув дверь, как к себе домой, чиновник 3-го Казанского, коллежский секретарь Разуваев, заявил, что требуется кого-нибудь послать. У них в участке все заняты (понимай — не желают отрываться от чая по всяким пустякам), так пусть сыскная разберется. Если что серьезное — все равно дело им в сыск отойдет. А нет — так и невелика трудность: сходить да посмотреть.

Господа Жеребцов, Красов и даже делопроизводитель Кузьменко прямо изумились такой наглости соседей снизу. Буквально не могли глоток чая осилить. Это где же видано, чтобы участок дергал сыскную по всякой ерунде! Ну, подумаешь, прибежал швейцар перепуганный, разве это повод вот так бесцеремонно отрывать сыщиков от важных дел. Нет уж, господа участковые, сами расхлебывайте, а нас — только в крайнем случае.

Но господин Разуваев стоял на своем: дескать, вроде бы преступление серьезное, скорее всего, тяжкое, так что прямая дорога — в сыск. Спор уже шел на повышенных тонах и мог продлиться до самого обеда, когда из дальнего угла выскочил юнец, залившийся краской смущения, и немного взволнованным голосом заявил: «Позвольте мне взяться!» Вот так взял и заявил. Жеребцов и Красов изумились такой наивности, а Кузьменко натурально поперхнулся. Но это не оставило бурное развитие событий. Наглый Разуваев вцепился: дело как раз для господина Ванзарова.

Не дожидаясь формального разрешения, юнец сорвался с места, забыв папку с бумагами для ведения протокола, и устремился за чиновником. Старшие товарищи, обменявшись комментариями, решили довести до начальства не лучшее мнение о молодом выскочке. На том и успокоились.

Не меньшую заботливость проявил и Разуваев. Указав Ванзарову швейцара, крайне взволнованного и смущенного бородача лет пятидесяти, пожелал успехов, а в качестве подкрепления разрешил прихватить городского. Одного, не более. Родион так заспешил на свое первое дело, что швейцар с городским запыхались, еле поспевали за прытким юношей. Хорошо, что идти было недалеко, а то бы совсем выбились из сил.

Солидный дом нависал над Екатерининским каналом розовым пряником. Внизу блестящие витрины модного магазина, а над ними — три жилых этажа. Квартиры в доме недешевые, господа, здесь обитающие, предпочитали комфорт экономии.

Взлетев по мраморной лестнице, выстланной ковром, Родион увидел распахнутую дверь. Рядом с ней топтался мужчина откровенно услужливого вида. С утра пораньше затянут строгим фраком, волосы гладко расчесаны, под носом прочертились стрелки усов. На вид — лет сорок, значит, профессией служения овладел давно, сам степенный, сдержанный. Ухоженное лицо портило испуганное выражение, словно кривая печать на гладком конверте. Камердинер нервно тро-

гал виски и смущенно покашливал. Когда же узнал, что перед ним чиновник сыскной полиции, — вконец оробел.

Коллежский секретарь хоть и казался с виду мальчишкой безусым (что было чистой правдой), но зеленая книжечка Департамента полиции кого хочешь заставит затрепетать. Камердинер представился Лопаревым Василием Николаевичем, поклонился и был приятно обрадован, узнав, что мальчишку... то есть, конечно, господина, так приятно величают Родионом Георгиевичем. Кругом одна приятность. За всю церемонию Лопарев не проявил желаний зайти в квартиру или пригласить туда полицию, а, напротив, старался держаться ближе к перилам лестницы.

Ощувив веселую нервность во всем теле, Родион скроил проницательный вид и спросил: «Что случилось, любезный?» Удалив вздохи, междометия и запинки господина любезного, картина рисовалась вполне подозрительная.

...Камердинер встал, как обычно, рано, то есть около семи. Привел себя в порядок, умылся, причесался, переделся, приготовил на завтрак яичницу с беконом, заварил чай и отправился будить хозяина. Дверь спальни была приоткрыта. Камердинер заглянул внутрь: постель не тронута, халат лежал, как был оставлен, — на спинке кресла. Но одежды, которую его сеньор разбрасывал как попало, не оказалось. Впрочем, как и самого хозяина. Обойдя гостиную и библиотеку, Лопарев направился к кабинету. Постучав, ка-